

Помню, когда в марте 2018 года я начал читать недавно вышедший роман Андрея Таврова "Клуб Элвиса Пресли", то решил, что это что-то вроде иронической философии, тонкой стилистической буффонады на тему неприкаянности современных наших интеллектуалов, потерявшихся в эстетическом балагане современности. Да, собственно, я предположил такое еще до чтения: название не давало других путей. Да и сюжет клонил к тому же. В двух словах: герои произведения, наши отечественные маргиналы: сошедшие с колеи джазовые музыканты, сбежавший от бессмысленности университетских буден столичный профессор, некие иные люди со смутным прошлым, то ли сбежавшие в алкоголь от бессмысленности века, то ли сбежавшие от жен и детей, одним словом весьма экзотичные и одновременно "продвинутые" персонажи (и примкнувшая к ним дева по имени Офелия), говорящие весьма умные вещи языком автора-повествователя, ищут Бога в кавказских горах вблизи Сочи, для чего объединяются в клуб американской дивы рок-н-ролла и вот, ведóмые его духом, находят-таки (а может это им только грезится, ведь они живут в грезах и в грезе, то ли полуотравленные своими прежними пристрастиями, то ли полузамерзшие) находят абыхского (!) бога, почти достигая просветления (?!).

Ничего кроме изощренной иронии мне не почудилось в этом сюжете. Русские маргиналы (человек дао конечно же не будет жить в столице) с бескрайней тоской в душе почему-то съезжают в сверхмодный, политически ангажированный курорт, то есть с энергетикой весьма двойственной, в чем-то адски профанной, а путешествие свое изводят из духа тлетворнейше американского. И в самом деле, разве Пресли – не символ вполне животное-имперского самодовольства? Пропагандист американской войны во Вьетнаме, агент ЦРУ, ненавидевший Джона Леннона и писавший на него доносы. И это только малая толика омраченного невежества, исходившего от этого самодовольного парнишки, ввергавшего агентов своего влияния в бешенство ритма бессмысленного и пахово-оголтелого, ритма как убийцы мелодии. (С одной стороны агрессивность Пресли, предложившего стиль бутафорско-механистичной сексуальности-напоказ, и кротость Леннона, влюбленного в бездонную эротику Востока).

Одним словом, прожженный делец Пресли с его тупыми жирными воплями... И русские ребята ищущие Бога под руководством этого с позволения сказать духа. Что это? Уж не бес ли тропу метит? Уж не Николай ли Васильевич в недобрую минуту злые шутки шутит? Мне было больно созерцать этот морок, этот обморок сознания в особенности потому, что Андрей Тавров был мне дорог как тонкий поэт, а предыдущий его роман "Матрос на мачте" был читан мною с чувством художественного вдохновения. И героем его был не кто-нибудь, а наш философ Владимир Соловьев, с которым автор-повествователь входит в почти мистическое общение на предмет поиска спасительной софийности. И это логично: наш герой-современник запутался в мире женщин, он спрашивает себя: что осталось в новом мире "полной свободы" от некогда спасительной "вечной женственности"? И тут ему подает руку Соловьев с его концепцией софийности, Соловьев: герой в теории и беспомощный бродяга в жизненно-бытовом действии. Одним словом, роман движется в русском, крайне непросто пространстве. И хотя трагическую ошибочность ряда идей Соловьева автор романа опустил, все же действие произведения гомогенно и центрировано. И вдруг после Соловьева, искавшего, рискуя жизнью, Бога в африканской пустыне... является Пресли в своих прилипших к потным ногам "звездных" штанах и лезет в горы за "абыхским богом"... Но как, следуя за омраченным, можно надеяться выйти к просветленности?..

Помню, я грустно размышлял: о, как бы естественно и чудесно могли эти ребята назвать свое сообщество именем, скажем, Георга Тракля, близкого им своей

отверженностью и одинокими странствиями по Лесам в поисках Чистого Бога. Или назвать свою общинку клубом Николая Рубцова, например. Разве это не прекрасные были бы посиделки в память духа светлого, чисто русского, не коррумпированного ни единой нотой, ни единым звуком или помышлением. Убит возлюбленной в моцартовском возрасте (вот она, новая форма "вечной женственности"). Странник с рождения, почти монашек. Он мог бы вывести их к богу русских полей и рек, к богу дедов и прадедов. К богу таинства земли предков. Но дух Пресли мог бы вывести их только к черному омуту эгосамости. Почему же они этого не почувствовали? Так глубоко западный дьявол успел влезть в русскую поэтическую душу? Как можно было польститься на куклу, сделавшуюся кумиром миллиардов? Где тут тень Несказанного?

2

Но потом наступил второй этап моего раздумья. Андрей Тавров – серьезный писатель, не мальчишка, у него должны были быть некие серьезные причины для всего этого странного демарша, для этого смещения несоединимого. Да, "хороший человек" (пьянство на Руси – почти синоним живой души, отвращающей от американо-японского прагматизма), да еще творческий человек – в тоске, в великой русской жажде Иного. Это понятно. И Абыхия – эта исчезнувшая маленькая страна где-то между современными Лазаревским и Адлером, со своим таинственным населением и уникальным языком (окружающие их черкесы, адыги и абхазы не понимали его), где одних только согласных звуков было 84, вполне могла стать некой праформой мечты о мистическом возрождения ушедшего, а поскольку ушедшего насильственно, то прекрасного, жертвенного. Писатель Баграт Шинкуба видел последнего абыха в 1970 году. В 1864 году, в один из пиков Кавказской войны, все 74 тысячи абыха эмигрировали в Турцию, не желая переселяться в южные районы Российской империи, как того хотел царь. Но в Турции они растворились в ассимиляции, потеряв и язык. Между прочим, ничего кроткого в абыхах не было, они славились как раз воинственностью и даже жестокостью: самые знаменитые пираты Черного моря и разбойники на дорогах были абыхи. Ходили слухи о их генетических связях с античными ахейцами и гениохами, приплывшими некогда в Колхиду.

Всё это отчасти романтично, но не более того. К христианству и к другим мировым религиям верования абыхов отношения не имели. И к секте пятидесятников (сугубо американское, стерильно-рационалистическое порождение протестантизма), членом которой был Элвис Пресли, тем более. Но бог мой: "икона рок-н-ролла", "символ Америки", "самый успешный певец в истории Земли". А по сути робот, работавший на шоу-бизнес. Обаяние шикарного самца в опереточных одеждах, вождевшего к деньгам и к роскоши; типичный нарцисс, раздираемый изнутри непомерностью нарциссизма. Мании, страх одиночества, абсолютная публичность. Добился-таки у Никсона документа, дававшего ему право арестовывать, кого захочет. Да, весьма религиозный малый. Стиль семидесятых его годов в описании телохранителя Сонни Уэста: «Элвис мог выпить три бутылки виски с утра, стрелять по пустым комнатам своего дома и кричать с балкона, что его хотят убить». Носил с собой два заряженных револьвера. А музыка? Типично американская слащавость, глянец, гламур; в блюзовых формах копировал Фрэнка Синатру, а в рок-н-ролле давал ход природному демонизму и машинной пансексуальности. На мое ухо – нестерпимая пошлость, Синатра куда приемлемее прямой обслуживания мифа о "шикарном образе жизни". Мол, Америка достигла абсолютного счастья и преуспевания.

Но штука-то в том, что для русского человека все это "счастье и преуспевание" (овеществленное в кукольных образах типа Мэрилин Монро и Майкла Джексона) – мерзость запустения и ничего более. Вся русская поэзия и поэзия русской души стояла и стоит (пока она существует) именно на этой ноте. Как писал наш великий философ Владимир Ильин (не путать с Иваном Ильиным): «Вся без исключения русская поэзия может быть сведена к этой великой и единственной теме – монотеме – к тому, чтобы

увидеть невидимую и великую красоту, ради нее пожертвовав всем... Русский человек всегда имел в качестве идеала инока». Казалось бы, русская компания в романе Таврова вполне вписывается в эту традицию. Но вот только бог этой компании никак туда не вписывается. Бог этой компании – концентрированный цивилизационный демонизм. Но еще Сергей Булгаков заметил, то "пошлость есть скрывающаяся изнанка демонизма" и что "под феерическим плащом скрывается вульгарный черт с копытом и насморком". Боги не равны друг другу. Обожествленный человек есть ложный бог. Копыта русскому человеку всегда будут видны.

И ведь сказать, что, мол, Пресли в романе Таврова, конечно, никакой не Пресли, а мифический однофамилец, вовсе нельзя. Это романтизированный американский полубог, о возможности даже легкого соприкосновения с которым "русские парни" в романе мечтают словно о встрече с Христом. Читать эти кошунственные страницы невозможно без чувств соответствующих. «Элвис в ту ночь ходил возле лагеря в белом как луна серебряном костюме и видел всё... И Элвис думал, что как хорошо, что он принес сюда с собой родные ему ощущения и запахи – например, запах дорогих сигар и знойных калифорнийских улиц, где по ночам прямо на тротуарах горят жаровни и продают жареные каштаны, а еще запахи кожаных кресел...» И т.д., и т.д. Да полноте, неужели именно это предел мечтаний наших образованных маргиналов, тех почти идеальных наших современников, которых попытался изобразить романист? А впрочем, чего мы хотим от слабых людей? Вспомним: из пятидесяти молодых людей, отправленных Борисом Годуновым на Запад для учебы, не вернулся ни один. Ничего нового. Интеллектуал есть интеллектуал. И русским человеком (в том смысле, какой ему придавали Ильин или Рильке) ему вовек не стать.

Вопрос в том, что кладется в основание сакральности? Вопрос важнейший и для всякого социума, и для всякого индивида. На чем стоять религии? Что возродить, какой дух, если даже будут наконец найдены энергии для возрождения?

Ну почему, скажем, не Синатра, тоже символ преуспевания Америки, тоже символ ее "свободы"? Он по крайней мере музыкант и певец с голосом и со стилем. Да, тоже дружил с президентами, но еще, правда, и с мафией. Ладно, но тогда почему не кто-нибудь из сонма наших поэтов и бродяг, бардов и певцов? Неужто единственная религия, которая удовлетворяет группу русских маргиналов во главе с девушкой Офелией (ищущей своего Гамлета) – это эстетика демонического танца, ритмического беснования? Эстетика бутафорской избыточности, нечто карикатурно антидзэнское. Ведь это всё, что принес Пресли на эстраду, всё остальное – не его. Наш Высоцкий в качестве религиозной фигуры возвышается словно гигант рядом с Пресли в его "императорских" штанах, напоминающих наряды Киркорова. Или Янка Дягилева. Да и почему эстрада? Какое отношение профессор, доктор философии (один из главных героев романа) может иметь к подростковым развлечениям американских домохозяек? Тем более талантливые джазовые музыканты?

3

Разумеется, всякий литературный критик скажет мне, что роман – не идеология, а форма словесного искусства, что всем известно, насколько мистически относится Тавров к звукам и даже буквам, а не только что к словам. Что они значат у него совсем не то, что значат в качестве идеологем или в качестве символов прагматического контекста. Что, мол, "клуб Николая Рубцова" не звучит и вообще выводит в русопятское русло. А "клуб Элвиса Пресли" звучит, и вполне достаточное основание для писателя, тем более для поэта, жаждущего некоего вселенского языкового синтеза, истово ищущего рассыпавшийся некогда в незапамятные времена сакральный алфавит, затерявшиеся божественные буквы, с помощью которых мир может быть перевоссоздан, чтобы стать подлинно сакрально-живым. Мол, Элвис Пресли для этих пожилых ребят – символ их ушедшей юности и молодости, когда им мечталось о свободе и творческом завоевании

мира... А абыги? Что ж, неужели кому-то было бы интересно искать бога христианского или магометанского пантеона? Скука. А это слово из почти сакрального словаря, ибо редкое и почти утраченное. Тавров его возрождает, отмывает и дает ему право на дальнейшую жизнь.

Но позвольте, сопротивляюсь я, а что же эта странная группа может найти на убыхской земле? Ведь дух воинственных убыхов, ненавидевших и презиравших русских, изгонявших их некогда с их родной земли, не может не сопротивляться явлению сей полупьяной компании во главе с фанатиком войн с аборигенами, каким был Пресли. Если бог абыхов и явится, то только с огромным пылающим гневом мечом.

Опять вы за своё, говорит мне критик. Пора научиться читать слова, а не идеологемы. Читайте поэтические импресии, а не смыслы. Втянитесь в музыкальное повествование, в его темпоритм, в саму эту симфонию, в потоки суггестии, поистине всегда неожиданные и в принципе глубоко иррациональные. Роман – это форма, состоящая из внутренних множественных подформ. Ведь в тексте Таврова важен именно поток, тот единый монолог, что переходит из уст в уста, важна эта братская доверительная текучесть, слиянность вещей, символов, предметов, пейзажей, мыслей в едином модусе той растворенной во всем божественной буквенности, которая, в конечном счете, и есть искомый бог. И неважно, абыхский он или какой другой. Они ищут некоего Всебога. А иноземный музыкант это всего лишь символ меланхолии их души, отвергающей капиталистическую муть нового русского большевизма, он здесь такой же неудачник и маргинал, такой же бесконечно одинокий странник...

Так-то оно так, откликаюсь я, но что такое речь, язык, господа хорошие? Разве он и не ловушка тоже? Сам по себе язык есть центр эгоцентрики. Я имею в виду современный изоциренный язык поэзии, устремленный к воссозданию образа уникального авторского эго, а не ритуальный религиозный язык. Молчание сближает, уникально авторский язык разделяет. И чем интенсивнее языковой реформизм, тем сильнее разделение и тайная война. Если говорить (и мечтать) о выходе из колоссального цивилизационного кризиса, а точнее из тупика, то следовало бы вспомнить пожелание апостола Павла коринфянам стремиться к заслуге глассолатии, то есть говорения на абсолютно новых, неизвестных языках, и не столько человеческих, сколько ангельских. А это означает выход из *эстетики* языка. Но что за этим выходом стоит? Знаменитое: «Но если я говорю языками человеческими и ангельскими, но любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий...» Здесь предел эстетики и ее тщета. Любой.

Пресли – ярчайший пример эстетической демоники, уничтожившей человека, съевшей его изнутри, оставив труху и тяжелейшее отчаяние, причин которого бывший водитель грузовика так и не понял, но самое печальное – не сумел в этом отчаянии себе признаться, не сумел (да и не пытался) обнаружить эпицентр своего подлинного "я". А мы говорим об этике. И при этом идем за богом не русским и во главе с эстетиком Пресли. Апостол Павел говорил: «Душевный человек не понимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием...» Но точно так же и эстетический человек ("король рок-н-ролла", например) не понимает душевного человека, почитая его либо безумцем, либо глупцом. Служение виртуозности речи, ее эстетической изысканности, красноречию, музыкальному шарму и обольстительности (суггестивный динамизм) есть явление сугубо эстетическое. И вот почему, я полагаю, в роман неожиданно внедрился эстетический монстр из Калифорнии. Такова, на мой взгляд, "мистическая" подоплека неожиданного вторжения. Пришел Пресли, потому что никого иного эта компания не заслужила. И никакого иного бога кроме бога эстетической демоники она в окрестностях Сочи встретить не могла, сколько бы ни старалась. Герои романа говорят языком интеллектуалов, а значит не вышли из эстетической стадии.

А абыхи? А что абыхи? Это отдельная история для совершенно отдельного другого романа. Трагедия таинственного народа, потерявшего уникальный язык. Был ли он мистическим? Никто этого не знает. Непонятная странность как раз в том, что они вполне

добровольно ассимилировались среди турецких черкесских общин, утратив за сто лет язык полностью. Быть может это еще одна потерянная буква из божественного мистического алфавита, если следовать интонациям мифологии поэта Таврова.

4

Бродский явил нам роскошный "цветок зла", ярый плод умирающей цивилизации, думающей, что она пришла к своему апофеозу. И я ничуть не удивился, узнав недавно о стишке Бродского, написанном в день кончины Элвиса Пресли и отправленном в Питер Найману: "Дорогой Анатолий Генрихович, Посмотрите, кто умер! / Элвиса Пресли прибрал всемогущий Бог, / и Серафим Саровский нового собеседника приобрел..." И далее Пресли запанибрата обращает к Саровскому слова одного из своих пижонских хитов.

Это ж какая каша в голове знаменитого нобелиата! Если Пресли – служитель искусства, то какое отношение он может иметь к православному святому? Где, в каком измерении они могут встретиться? Только в этическом. Но кто в Америке не знал на тот момент (1977 г.), кем был в этом измерении Пресли: ярым русофобом, сторонником тех "ястребов", которые предлагали сбросить на Вьетнам ядерные бомбы ("они же не люди!"), стукачом ну и т.д. В чем суть личности и музыки Пресли? В запредельной гипертрофии эгосамости. В чем центр Серафима Саровского? В полной свободе от эго. Потому-то зайцы и медведи подходили к нему без боязни. И вот в стишке Бродского морфинист Пресли, круглосуточно вооруженный двумя пистолетами, похлопывает по плечу нашего святого... Почему всё это возможно? Потому что в фундаменте нашей культуры – эстетика, игра, балагурство, фокусничество, трюкачество, то есть менеджмент успешных продаж.

Сентябрь 2018